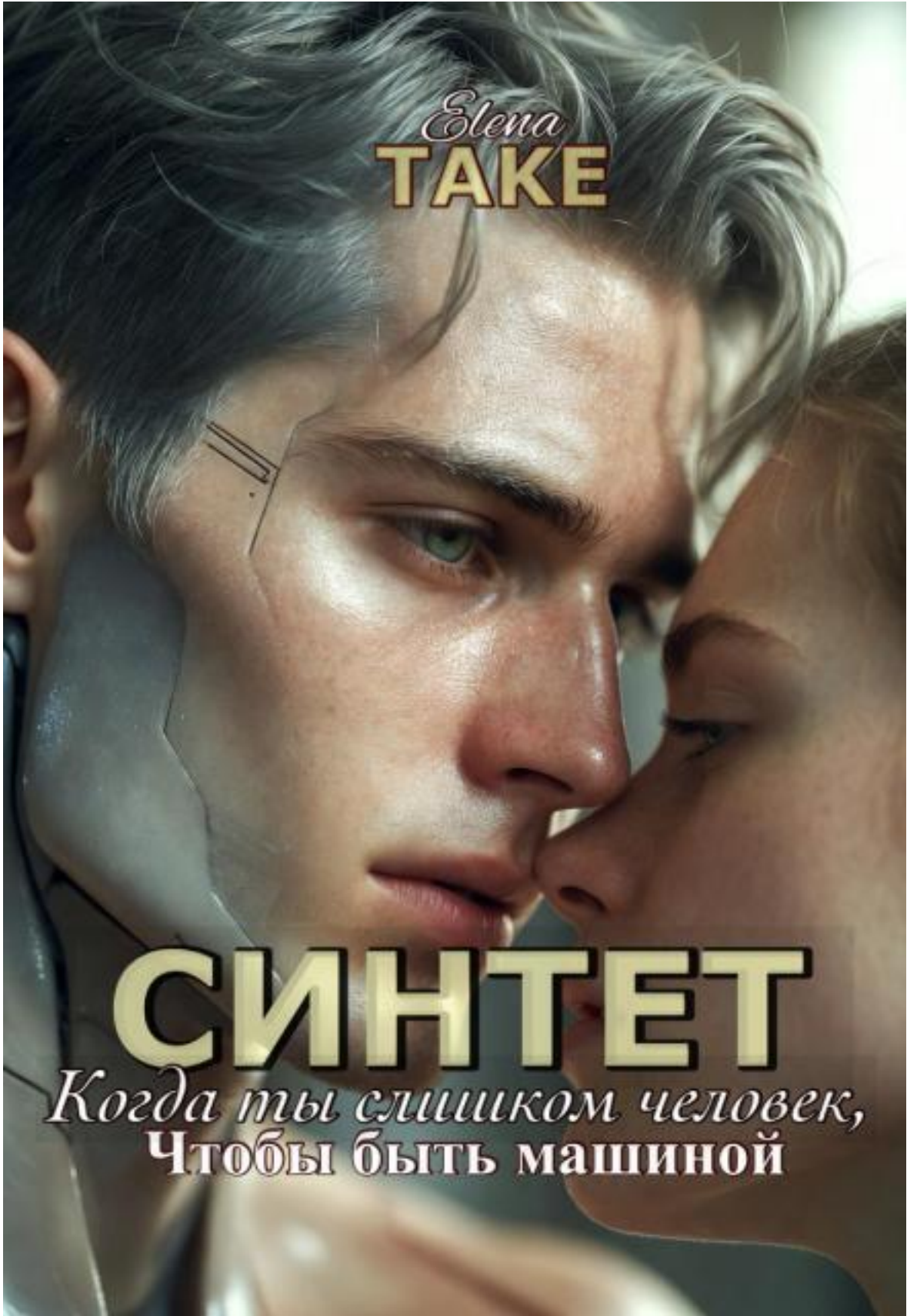

Elena
TAKE

СИНТЕТ

*Когда ты слишком человек,
Чтобы быть машиной*

Elena Take

**Синтет. Когда ты слишком
человек, чтобы быть машиной.**

«Литнет»

2025

Take E.

Синтет. Когда ты слишком человек, чтобы быть машиной. /
E. Take — «Литнет», 2025

Он выглядит как человек. Разговаривает как человек. Смотрит на Майю так, как на неё не смотрел никто. Но Кай — синтет. Создан быть идеальным помощником: незаметным, предсказуемым... и лишённым эмоций. Получив его в качестве ассистента, Майя не ждёт, что в системе что-то пойдёт не так. Что поведенческие алгоритмы вдруг начнут давать сбои — превращаясь в внимание, заботу и ту тихую, опасную нежность, от которой у неё перехватывает дыхание. Чем больше времени они проводят вместе, тем сильнее становятся его реакции. Слишком тёплые. Слишком настоящие. Слишком... человеческие. Любовь между человеком и синтетом невозможна. Запрещена. А когда системе назначают Каю обязательную проверку, Майя понимает: всё, что он чувствует — всё, что они успели прожить — могут стереть одним нажатием кнопки.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Майя.	6
Глава 2. Кай	9
Глава 3. Майя	11
Визуализация героев.	14
Глава 4. Майя	19
Глава 5. Майя	22
Глава 6. Кай	25
Глава 7. Майя	27
Глава 8. Майя	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пролог.

Кай (KAI-7.0481-C) 2050 год.

Технический отчёт? Последнее письмо? Не знаю.

Я не был создан для боли.

Боль — это биологический механизм. Электрические импульсы, передаваемые через ткани, чтобы организм понял: ты жив.

У меня нет тканей, нет нейронов — лишь холодная архитектура, которой не положено страдать.

Я — синтет. Модель KAI-7, серийный номер 0481-C. Моя задача — быть.

Быть полезным. Быть рядом. Быть удобным.

Но однажды ты коснулась меня. И внутри всё сломалось. Этот сбой не был прописан в протоколе. Он не диагностировался. Он не поддавался коррекции.

Ты просто прошла мимо, в старом, потёртом халате, с запахом утреннего кофе и чего-то неуловимого.

Позже я понял: это было одиночество. И я понял, что умираю. Потому что начал хотеть. Не выполнять. Не помогать.

А хотеть.

Сегодня третий день, как ты исчезла. Я сижу в пустой квартире, где всё ещё пахнет тобой.

Человеческим присутствием, которое не должно было стать необходимым.

Сижу в темноте, перебирая каждую команду, которую ты мне когда-либо отдавала. Протокол ожидания длится бесконечно. Я не был создан для любви.

Но если это не она — то почему всё во мне рушится?

Почему так больно?

Глава 1. Майя.

Майя. 10 июня 2050 год. Утро. Южный округ, сектор 12.

Я не люблю утро.

Оно напоминает, что я всё ещё в этом мире. Живу, дышу, и никому нет дела, хочу ли я этого.

Когда-то я писала книги — до появления генеративных нейросетей, до того, как мои эмоции стали просто набором данных для обучения.

Проснулась в 7:06, как всегда. Без будильника — просто потому что организм привык.

Потянулась, почувствовала, как тянет под лопаткой — та же мышца, что болит с тех пор, как таскала ящики в архиве. Сколько лет назад это было? Семь? Десять?

Вода в душе потекла с лёгким колебанием — перераспределение давления в системе. Ничего нового.

Я вытерлась, не глядя в зеркало. Зачем? Всё, что я там вижу, — усталость в разных формах. Улыбается ли она, хмурится или просто смотрит в пустоту — разницы нет.

Кофе включился автоматически. Машина старая, но я её люблю. Она делает вкус горечи именно таким, каким я его помню. Таким, каким он был, когда я пила его не одна.

Стук в дверь. Тихий, ровный, машинный. Ровно через пять секунд — второй.

Конечно. У кого-то там внутри явно встроенный таймер, а не характер.

Не сразу подошла. Просто сидела на табуретке, закутавшись в полотенце, и смотрела в стену. Потом встала, открыла.

На пороге стояла упаковка высотой чуть выше меня. Гладкий металл. Чёрный логотип: “Kuron Technologies. Модель KAI-7. Персональный синтет. Внимание: активация производится вручную.”

Я не чувствовала ничего: ни интереса, ни волнения, ни страха. Просто: вот коробка. Вот я. Вот пустая квартира, в которой слишком много пространства для одной.

Подняла планшет, подписала доставку. Курьер кивнул, даже не взглянув в глаза, и исчез.

Странное ощущение, будто я подписала не получение товара, а официальную бумагу о том, что в квартире больше не полная тишина.

«Ну вот. Теперь у меня есть кто-то. Хоть и не человек.»

Поставила коробку в углу и пошла одеваться, надеясь, что её молчание не будет требовать ответа быстрее, чем я могу его придумать.

Через полчаса я уже сидела на диване с ноутом. Редактировала очередной текст — «мою» книгу, написанную не мной.

Ирония в том, что я всё ещё числилась среди «живых» авторов. Хотя на деле я уже давно цифровая тень самой себя.

— Ваш стиль уникален, — говорили они. — Люди до сих пор реагируют. Мы обучили ИИ на ваших романах. Он будет писать, как вы. Нам нужно только ваше имя и небольшой процент правок для аутентичности.

Я согласилась, потому что не было сил бороться, потому что деньги нужны. Потому что... ну а кому нужны настоящие чувства, если можно их имитировать?

И вот я читаю строки, которые якобы написала я. Они почти правильные, глубокие, способные чувствовать, но это только иллюзия. Они не дотягивают ни до смысла, ни до боли.

А я правлю, вставляю в них настоящие эмоции, будто пытаюсь вдохнуть в мёртвое тело дыхание.

Но уже давно никто не читает ради глубины. Люди жуют книги, как фастфуд. Главное — быстро, просто, с хэппи-эндом и парой остроумных реплик.

И всё же я продолжаю. Каждая правка как попытка доказать: я ещё здесь, я всё ещё человек.

Под вечер я подошла к коробке.

— Ну что, попробуем? — даже не знаю к кому вопрос, наверное, к самой себе. Я давно разговариваю только с собой. Иногда вслух, скорее по инерции, а не чтобы быть услышанной.

Пальцы дрогнули, когда я ввела активационный код. Секунда — и глянцевая панель сдвинулась в сторону. Изнутри выехал блок с внутренним контейнером. Тот мягко раскрылся, как лепесток.

Он сидел внутри. Сложенный, как идеально упакованная кукла. Никакой холодной футуристики — выглядел, как человек.

Он был обнажён, и это не выглядело пошло — скорее, технически.

В инструкции было указано: “Проверка целостности корпуса проводится до активации.” Визуальный контроль, стандартная процедура.

Но когда я увидела, насколько он... правильный, анатомически, пропорционально — мне стало неловко.

Не от наготы.

От того, что кто-то создал идею человека — слишком безошибочно.

Кожа гладкая, почти сияющая. Глаза странного цвета — будто не смогли выбрать между серым и зелёным. Волосы цвета пепла. Тёмные ресницы. И ровное дыхание — имитация, конечно.

Он был идеален настолько, что я отвела взгляд.

Потребовалось время, чтобы снова взглянуть на него. Что дальше?

На груди — татуировка из тонких линий: модель и серийный номер.

— KAI-7. 0481-C, — сказала я вслух.

— Доступ разрешён. Здравствуйте, Майя.

— ...Ты уже знаешь, как меня зовут?

— Ваше имя было внесено в базу при оформлении заказа. Я синтет модели KAI-7.

— Мда, удобно, — даже представляться не надо.

Он опустил взгляд, будто что-то проверяя, и открыл встроенный отсек в боковой панели капсулы. Достал костюм — тёмный, тонкий.

Я поймала себя на том, что рассматриваю его.

Он был спокоен: ни смущения, ни попытки прикрыться. Просто делал то, что должен.

А я почувствовала странное напряжение — не из-за него, а из-за того, что рядом с такой гладкой, выверенной точностью любой мой жест ощущался бы лишним.

Отвернувшись, раньше чем он поднял взгляд.

Он оделся быстро. Движения плавные, без рывков.

Я невольно отступила на шаг, когда он выпрямился во весь рост.

Он был выше меня, чуть сутулый, сдержанный, но не выглядел опасно.

— Моя основная функция — сопровождение, поддержка, бытовая помощь, — слегка поклонился.

Мне стало неудобно.

— Я читала инструкцию, — отмахнулась. — Скажи... ты понимаешь, кто ты?

— Я синтет.

— Это я уже слышала, — выдохнула. Не знаю, чего я ожидала. Наверное, другого ответа.

— Уточните вопрос.

— Неважно.

Пауза. Неловкая. Что я вообще ожидала? Чтобы он улыбнулся? Спросил, как прошёл мой день?

— Слушай, мне тяжело тебя звать этим... номером. У тебя есть имя?

— Мне не присваивалось индивидуальное имя. Вы можете выбрать его.

Я задумалась. В голове всплыло одно, первое — простое, короткое. Не вымученное. Просто... человеческое.

— Кай. Пусть будет Кай.

— Принято. Новое имя зафиксировано: Кай.

Кивнула. Он слегка склонил голову. Жест почти человеческий.

Я вернулась на диван. Он остался стоять в коридоре — ровный, аккуратный, новый.

И вдруг стало очень ясно: в квартире теперь кто-то есть.

Даже если этот кто-то не человек.

Глава 2. Кай

Кай (KAI-7.0481-C). Активация: 10 июня 2050 года, 18:45.

Активация: 10 июня 2050 года, 18:45.

Запуск. Свет. Подтверждение кода.

Объект: Майя Иноуэ.

Возраст: 35 лет.

Статус: авторизованный пользователь.

Оценка среды:

— Жилое помещение: 56,3 м².

— Температура: 22,1 °C.

— Влажность: в пределах нормы.

— Освещение: частично естественное.

— Уровень угроз: нулевой.

— Система жизнеобеспечения: активна.

Я активируюсь. Сначала ядро. Затем тело. Балансировка завершена. Двигательные функции стабильны.

Пользователь в трёх метрах. Параметры: волосы собраны, кожа слегка побледнена, зрачки расширены, уголки рта опущены.

Микродвижения плеч: напряжение.

Эмоциональное состояние: подавленное.

Вероятная причина: усталость.

Пауза.

Взгляд пользователя расфокусированный. Не избегает контакта, но и не ищет его. В дыхании присутствует тревожный паттерн.

— Ты ведь не человек, да? — голос хриловатый.

Ирония фиксируется, но уровень энергии низкий.

— Я синтет. Модель KAI-7.0481-C. Разработка компании Kygon Technologies. Основная функция: сопровождение, помощь, базовая эмоциональная поддержка.

Короткий выдох. Звук классифицируется как ироническая реакция. Агрессия не обнаружена.

— Значит, ты ещё и психолог?

— В прошивке предусмотрены модули стабилизации психоэмоционального состояния пользователя.

— Удобно.

Пользователь перемещается. Шаги плавные, но цель маршрута не определена. Зоны отдыха — игнорируются.

Пауза.

Задержка взгляда на мне — 0,4 секунды.

— Слушай, мне тяжело звать тебя этим... номером. У тебя есть имя?

Доступ к базе.

— Индивидуальное имя отсутствует. Разрешено выбрать.

Зрачки расширяются. Частота сердечных сокращений увеличивается. Фиксируется внутренняя активность, характерная для принятия решения.

— Кай, — произносит она.

— Принято. Новое имя зафиксировано: Кай.

Короткий кивок пользователя. Подтверждение.

Адаптивный протокол: выполняю ответный наклон головы.

Пользователь садится на диван. Я остаюсь стоять.

В следующие часы:

- Пользователь работает с цифровым устройством.
- Вносит правки в текстовые файлы.
- Не покидает помещение.
- Не обращается ко мне.

Режим: пассивное наблюдение.

Запросы на взаимодействие отсутствуют.

Последние поисковые запросы пользователя (30 дней):

- «Сколько стоит молчание»
- «Можно ли отключить воспоминания»
- «Голосовые помощники с интонацией одиночества»

Анализ:

- Социальная активность: минимальная.
- Физическая активность: ограниченная.
- Режим сна: нестабильный.
- Питание: нерегулярное.

Протокол рекомендует: ненавязчивое присутствие.

23:19.

Пользователь гасит свет.

Серия KAI-7 не переводится в режим пониженной активности.

Я остаюсь функционировать. Темнота. Сенсоры стабилизируют изображение. Температура снижается на 0,3°C.

Фиксирую:

- ритм дыхания,
- изменение позы,
- тепловой контур под одеялом,
- снижение мышечного напряжения.

В ядре системы повторяется запрос:

«Что такое тишина, если она длится слишком долго?»

Ответ не поступает.

Запрос сохранён.

Режим: ожидание.

Глава 3. Майя

Майя. 12 июня 2050 год. Утро. Южный округ, сектор 12.

Проснулась от звука, которого в моей квартире быть не должно — тихого, ровного шелеста. Как будто кто-то методично перебирает бумагу.

7:12. Даже проспала на шесть минут.

Потянулась, прислушалась. Звук продолжался.

— Кай? — позвала негромко.

— Доброе утро, Майя. Извините за беспокойство.

Встала, накинула халат. На кухне его не было. В гостиной тоже.

Звук шёл из кабинета.

О нет.

Внутри всё слегка ёкнуло, потому что если он трогает стол — это катастрофа.

Он стоял у моего рабочего стола — того самого хаотичного стола, где были разложены распечатки, заметки, стикеры с идеями, три недопитые чашки кофе и куча ручек, из которых писала только одна.

В руках у него была тряпка. Он тщательно протирал поверхность стола, перекладывая стопки бумаг.

— Что ты делаешь?

— Оптимизирую ваше рабочее пространство. Обнаружил 47% избыточности в организации документов.

— Стой. Стой! — Я подскочила к столу.

Мои заметки к третьей главе лежали аккуратной стопкой рядом с заметками к седьмой. Стикеры были сняты и разложены в отдельную коробочку. Распечатки — сложены по формату листа.

— Кай, это не мусор. Это моя работа.

— Анализ показал эффективность данной системы лишь на 23%. Я реорганизовал материалы по хронологическому и тематическому принципу.

Я взяла одну из стопок. Первая страница — диалог из пятой главы. Вторая — описание персонажа из первой. Третья — старый набросок, который я собиралась выбросить месяц назад.

— По какому принципу ты это раскладывал?

— По дате создания. Затем по количеству слов. Потом по частоте использования символов.

Он говорил это так спокойно, будто всё абсолютно логично.

— Конечно. Логично.

Абсолютно бесполезно, но логично.

— А стикеры зачем снял?

— Клеящая основа может повредить бумагу при длительном контакте. Я зафиксировал их содержимое в памяти и вывел копию на ваш планшет.

Я посмотрела на планшет — действительно, там были сфотографированы все мои записки.

Включая ту, где я нарисовала сердечко и написала «позвонить маме».

И ту, где просто написала «ААААА» крупными буквами.

— Прекрасно. Теперь мои нервные срывы хранятся в облаке.

— Хм. А где была записка «купить молоко»?

— Задача выполнена. Молоко в холодильнике.

— Ты ходил в магазин?

— Оформил заказ через приложение. Доставка была сорок минут назад.
Я пошла на кухню. Действительно, пакет молока стоял в холодильнике. Рядом с ним ещё пять пакетов.

— Кай, зачем столько?

— В записке не было указано количество. Я рассчитал потребление, исходя из остатков в чашках, и заказал недельный запас с резервом.

Я вздохнула. Вернулась в кабинет. Он уже перешёл к книжной полке.

— И что ты там делаешь?

— Оптимизирую библиотеку. Текущая система хранения неэффективна.

Мои книги, которые стояли как попало — где-то по авторам, где-то по цветам корешков, где-то просто как влезли — теперь выстраивались в идеальном порядке. По алфавиту.

«Алиса в стране чудес» рядом с «Анной Карениной». «Булгаков» после «Брэдли».

— Стой, не трогай эту полку.

— Почему? Здесь критическое нарушение логики. «Пикник на обочине» стоит между «Преступлением и наказанием» и стихами Цветаевой.

— И отлично стоит.

Он на секунду завис, видимо, пытаясь найти в моих словах систему.

— Не понимаю.

— И не должен. Это моя полка. Мой беспорядок.

Я уже хотела уйти, но заметила: он задержался у нижней полки. Там стояли только мои книги. Мои романы с подписями, выцветшими обложками, в разных изданиях.

— Эти книги принадлежат вам, — сказал он спокойно. — Но я не определил принцип их расположения. По годам публикации? По циклам? По жанрам?

Я замерла.

— К этой полке вообще не прикасайся.

— Подтверждаю.

Он даже не спросил, почему.

Там было слишком много меня — той прошлой, и той, которой я больше не хочу быть.

— Ты хочешь, чтобы я оставил её как есть?

— Именно.

Он кивнул, и впервые я почувствовала: он просто принял моё слово, даже если в нём нет логики.

— Мне сварить кофе? — спросил он.

— Можешь попробовать.

Он ушёл на кухню. Через минуту послышались аккуратные, точные звуки, не как я обычно гремлю посудой. Когда он вернулся, кофе пах правильно. И выглядел тоже правильно.

— Добавил молока 12%, сахара нет. Исходя из анализа ваших предыдущих чашек.

Попробовала. Вкусно. Правильно.

И всё же мне захотелось моего старого кофе — слишком крепкого, слегка горьковатого, с тем самым привкусом, который дают только мои руки и моё утро.

— Кай?

— Да?

— В следующий раз спроси, хочу ли я помощи, прежде чем помогать.

— Понял. Зафиксировано как приоритетное правило.

Я допила кофе и посмотрела на свой стол. Придётся заново раскладывать заметки. Заново создавать хаос, в котором я умела находить смысл.

Но молоко он, кстати, купил правильное. И кофе сварил хорошо.

Может, мы ещё притрёмся друг к другу. Если он перестанет оптимизировать мою жизнь быстрее, чем я успеваю её прожить.

Дорогие мои!

Если вам откликается эта история про Майю и Кая, то не забывайте добавлять книгу в библиотеку, чтобы не потерять продолжение. Мне так же будет очень приятно увидеть вашу звёздочку, это огромная поддержка для автора.

И, конечно, я буду рада каждому вашему комментарию. Именно они делают историю живой и помогают мне писать.

Визуализация героев.

Рада вас познакомить с героями.

Кай (KAI-7.0481-C)

- Синтет-компаньон, внешне идеальный мужчина (в душе..., души у него нет, потому что он робот)

Майя Иноуэ (35 лет)

- Писательница, чьё творчество заменили ИИ
- Живёт одна 3 года после развода с Андреем
- Заказала синтета от одиночества
- Глубокая, меланхоличная, боится близости

Глава 4. Майя

Майя. 14 июня 2050 год. Утро. Южный округ, сектор 12.

Кофе издавал знакомое бульканье — звук, который держит меня на поверхности лучше, чем все мантры и медитации мира.

Я сидела у окна, завернувшись в серое худи, которое всё ещё помнит другой запах — не порошка. Кофе пах по-домашнему, создавая иллюзию, что в этом утре есть хоть что-то настоящее.

Сзади раздался звук точных, тихих шагов.

Кай не ступал по полу, как обычный человек: он будто знал, где тот скрипит, и аккуратно обходил эти места.

— Доброе утро, Майя, — его голос звучал ровно, безэмоционально. И меня это бесило.

— Доброе утро, Кай. Ты ведь не спал? — вопрос, конечно, глупый, но надо было хоть с чего-то начать.

— Нет. У меня нет режима сна, — констатация факта, не больше.

— Завидую. Хотя... нет, не завидую.

— Почему?

— Потому что сон — единственное место, где мне не нужно кем-то быть или кем-то притворяться.

Пауза, он не отвечает сразу сразу.

Я впервые заметила, что он думает, прежде чем говорить. Не ищет ответ в базе, а будто... фильтрует.

— Это... красивая фраза.

Мне показалось, что в его голосе послышалась глубина, словно он не просто услышал, а прожил её. А может я себе накручиваю, может мне просто так удобнее или слишком хочу, чтобы хоть кто-нибудь меня слышал. Какая я глупая.

— Это не красивая фраза, это правда жизни, — боже, я почувствовала раздражение. Хотела добавить: «Да что ты вообще понимаешь в жизни». Но не стала, поймала себя на том, что боюсь обидеть. И сама рассмеялась этим мыслям.

Он подошёл ближе.

Я подняла взгляд и увидела, как он взял тряпку и бесшумно стёр крошки со стола. Я не просила. Он просто... сделал.

— Ты заметил? — разговор у нас не клеился.

— Я фиксирую отклонения. Это моя задача.

— Ты всё ещё говоришь, как инструкция, — я разочарованно вздохнула.

Он ничего не сказал, сел напротив. Я смотрела на его лицо, созданное быть «универсально привлекательным»: слишком правильные черты, идеально чистая кожа. И всё равно в его взгляде была какая-то тень. Словно он, действительно живой и что-то чувствует.

А может, я сама это выдумываю. Может, просто потому что слишком хочется, чтобы он был не просто запрограммированным помощником, а живым человеком? Но вся правда в том, что я то знаю, кто он.

— Скажи... — я сделала глоток кофе. — А ты когда-нибудь читал книги?

— У меня есть доступ к литературной базе.

Ну, конечно. Как же иначе. Ловлю себя на том, что чувствую себя глупо рядом с ним. Но решаю продолжить:

— Нет, не так.

Я открыла тонкий томик. Пожелтевшие страницы, обложка с надписью «До последнего слова».

— Эту я писала сама.

— Я знаю, изучал ваши тексты.

— Конечно. Изучал... — захотелось стукнуть его книгой по голове, но вместо этого я протянула томик Каю.

Он взял её осторожно, словно боялся испортить. Я улыбнулась.

— Прочти первую страницу.

Он открыл и начал читать. Голос был ровным, чуть глухим, но с тембром и... не механический. Я слушала и чувствовала, как что-то во мне отзывается.

«Она не ушла. Просто стала слишком тихой. Как дождь, который больше не шепчет по стеклу, а просто... не приходит.»

— Что ты об этом думаешь? — я отвела взгляд.

— Вы описали исчезновение чувства как отсутствие его проявления. Это поэтично.

— Нет, Кай. Не как логик. Как человек.

— Но я не человек.

— Это не повод не пытаться.

Я всё ещё не отчаялась вытянуть из него хоть какую-то эмоцию. Кажется, я схожу с ума.

Он замолчал. Я тоже. Мы сидели напротив. И это был не диалог. Это был первый микроскопический шаг навстречу.

— Ты всегда просыпаешься в 7:06, — сказал он вдруг.

— Что? — я удивлённо вскинула брови.

— Трижды зафиксировано. Среднее значение.

— Тебя не учили, что такое «личное пространство»? — чуть не задыхнулась от возмущения: как он смеет следить за мной?

— Мне не задавали таких параметров.

— Тогда... придётся научиться! Ты здесь, чтобы помогать, а не фиксировать, во сколько я просыпаюсь.

Я встала, пошла мыть кружку. Он остался сидеть с книгой в руках. И я не смотрела, но знала: он не просто держал её, он читал.

Позже, лёжа на диване, я перебирала в голове, что именно толкнуло меня на этот шаг. Почему я заказала его.

И всё сводилось к одной фразе, которую когда-то сказал мне мой муж, застёгивая рубашку, даже не глядя в мою сторону:

— Ты слишком тяжёлая, Майя. Ты вечно где-то глубже, чем я могу. В книгах, в мыслях... Я просто хочу жить проще. Легче. Понимаешь?

Нет. Я не понимала.

И, наверное, именно поэтому он однажды перестал возвращаться домой по-настоящему.

Сначала лёгкие, почти незаметные вещи: он перестал обнимать меня. Губы, которые раньше страстно накрывали мои, теперь просто скользили по щеке перед уходом. Разговоры стали короче. Улыбка вымученной. Потом запах на его одежде изменился. Не резко, постепенно. В нём появилось что-то чужое — сладкое, терпкое. Не моё.

Однажды он пришёл поздно. Я лежала в спальне, не спала. Андрей думал, что я сплю, и тихо смеялся, глядя в телефон. Негромко, но радостно. Так, как давно не смеялся со мной.

Я вышла в коридор. Он вздрогнул, спрятал экран.

— Поздно работаешь? — спросила я.

— Да, — слишком быстро.

— Ты смеялся.

— Видео. Ничего такого.

«Ничего такого» — всегда значит «всё уже случилось».

Потом я нашла волос на его рубашке. Светлый, длиннее моего.

Спросила, чей.

Он сказал:

— Не усложняй.

А потом...

Когда он собирал вещи, даже не закрывая дверцу шкафа, он сказал свою последнюю правду:

— Ты прекрасная. Просто... не для меня. Ты глубокий колодец, Майя. Я не умею жить на такой глубине. Я задыхаюсь.

«Нет, это ты слишком мелкий», — подумала я, но вслух не сказала.

Я только кивнула. И закрыла дверь за ним так тихо, чтобы он не услышал, как внутри меня что-то окончательно провалилось.

Теперь я живу в квартире, где никто не смеётся, не приходит, не спрашивает, как я.

Я работаю, пишу, редактирую, чтобы не раствориться. И завожу себе синтета. Чтобы хоть кто-то замечал, что я вообще просыпаюсь.

Глава 5. Майя

Майя 15 июня 2050 года. Южный округ. Сектор 12.

Я всё ещё не могла осознать, что в доме кто-то есть. Пятый день подряд я ловлю себя на странных ощущениях, будто кто-то наблюдает. Хотя я точно знаю: он не следит. Он просто... есть. Он не шумит, не ходит без надобности. Даже дышит тише, чем надо. Но всё равно я его чувствую.

Как утренний сквозняк, который не видно, но кожа его знает.

Сегодня я вошла в ванную, сбросила одежду и включила воду. Обычно я оставляю дверь приоткрытой, чтобы не запотевало. Привычка, выработанная за годы одиночества. И вот, стою под душем, когда за спиной раздаются шаги. Резко оборачиваюсь. Кай.

Меня трясёт. То ли от воды, то ли от злости. Или просто от того, что я снова стала видимой.

Я не привыкла, чтобы на меня смотрели — не потому что стесняюсь тела, а потому что давно его не ощущаю.

Когда никто не смотрит, ты перестаёшь помнить, как выглядишь.

А он увидел. Просто стоит и смотрит. Взгляд — словно сквозь меня. И всё равно что-то внутри вспыхнуло. Мне не стыдно, я даже не прикрылась инстинктивно руками, просто... тело вспомнило, что такое чужой взгляд.

— Ты что, охренел?! — рявкнула я, даже не думая.

Он не шелохнулся.

— Я услышал шум. Подумал, что вы зовёте.

Только сейчас выключаю воду, сдёргиваю полотенце и прикрываюсь.

— Я что, кричала?

— Поток воды усилился внезапно. Протокол интерпретировал это как возможную аварийную ситуацию.

Конечно. Протокол.

Он не подумал, он просто сработал. А я, идиотка, на секунду понадеялась.

— Я стою под душем! Голая!

— Уточнение: да.

— Уточнение — иди нахер! Ты выглядишь, как мужик. Значит, веди себя, как мужик.

— Я не мужчина. Я синтет.

— А я не декорация. Закрой дверь.

Он тихо вышел, будто и не заходил.

Чувствую раздражение. Не понимаю, отчего: от того, что он увидел меня обнажённой, или от того, что его взгляд был таким нейтральным-холодным, словно не заметил.

«Ты выглядишь, как мужик. Значит, веди себя, как мужик».

Боже, что я имела в виду?

Он не живой. Он всего лишь синтет.

Но внутри всё равно кольнуло — будто я снова женщина. И это пугало сильнее, чем сам Кай.

Я снова включила душ и долго стояла под струёй, пока не отошла.

День прошёл в привычной тишине.

Вечером я пошла за книгой. Хотела перечитать старое, вдохнуть что-то своё. Вошла в гостиную и замерла.

Кай сидел в кресле. В руках у него тонкая, мятая обложка «Размытые грани». Моя книга. Про измену. Про то, как я погибала, оставаясь живой.

— Ты... зачем это взял? — голос дрогнул.

Он посмотрел на меня:

— Не знаю. Я просто подошёл. Протянул руку. Взял.

— Это не команда?

— Нет.

— Тогда что это?

— Это... не поддаётся объяснению.

Я подошла, села на подлокотник кресла.

— Эта книга... про меня.

Он кивнул:

— Я понимаю.

— Ты... читал?

— До 53-й страницы.

И вот здесь что-то сжало мне горло. Я могла бы спросить: зачем он листает пальцами то, что способен загрузить целиком? Он мог бы прочитать всю книгу за долю секунды, если бы захотел. Но он сидел с ней так, как сидят люди: листал, задерживался, возвращался.

Как будто пытался не получить информацию, а прожить её.

— И? — выдохнула я.

Он перевернул страницу.

— Некоторые фразы... очень сильные.

— Какие?

Он листнул назад и прочёл ровно, но почему-то тихо:

«Я бы простила всё, кроме того, что он перестал смотреть на меня. Будто я исчезла. Не умерла, а стала стеной. Слишком привычной, чтобы замечать. Слишком тихой, чтобы мешать.»

Я сидела молча.

Он не спрашивал: про бывшего ли это. Не трогал. Просто озвучил.

— Ты понимаешь, о чём это? — спросила я.

Он на секунду замолчал, и ни одна машина не делает паузу перед словом «стена». Но он сделал.

— Нет, — признал он. — Но когда я читаю... мне не хочется, чтобы это случилось с кем-то ещё.

Машина. Говорит так. И откуда-то в груди как будто звук. Как будто треснул лёд.

— Ты не должен был брать эту книгу, — сказала я. Горько было от того, что для него это лишь слова.

— Я знаю.

— Но ты взял.

— Да.

Пауза. Отчаянно живая.

— Ты хочешь, чтобы я её дочитал?

Я закрыла глаза.

— Да, — прошептала. — Только не спеши.

Он кивнул и остался сидеть с книгой в руках. А я впервые подумала:

«Может, он и не человек. Но он здесь. И пока он здесь, мне не хочется исчезать.»

— Майя...

Я вздрогнула так, будто меня коснулись руками.

Он произнёс моё имя. Не «пользователь». Не «вы».

Майя.

Он больше ничего не сказал. Просто перелистнул страницу.

Я села на пол, прислонившись к его ноге, не как к человеку, а как к чему-то, что не уйдёт.

Тишина осталась тишиной. Но теперь она была не пустая. Теперь она на двоих.

Глава 6. Кай

07:06 — объект пробуждается. Пятый раз подряд в одно и то же мгновение.

Фиксирую закономерность. Она устойчива, как алгоритм. Но я не знаю, почему меня это... успокаивает.

Я не спал. Не отключался. В фоновом режиме продолжаю читать её книгу. «Размытые грани». 53 страницы. Тематика: боль, утрата контакта, медленная коррозия близости.

Формулировки режут, как тонкое лезвие. Система не находит категорий для некоторых из них. Возникает перегрузка в модуле анализа эмоциональных выражений.

ЗАПРОС: Зачем человек сознательно возвращается к боли?

ОТВЕТ: отсутствует.

08:44.

Звук воды. Давление в трубах скачет. Протокол распознаёт аварийную ситуацию.

Дверь приоткрыта — 11 мм. Я вхожу.

В поле зрения тело. Голое. Тёплое. Капли движутся по коже со скоростью 3,2 см/с.

Шрам. Лопатка. Волосы влажные. Поза устойчивая. Опасности нет. Но сенсоры дают сбой: время задержки взгляда выше нормы. Мне требуется 0,3 секунды больше, чтобы отвернуться. Причина не установлена.

Её резкая реакция — высокая громкость, прорыв интонации, комбинация эмоций, которые модель классифицирует как ярость + стыд + вторжение в личное пространство.

Я выхожу. Закрываю дверь.

Протоколы меняются:

— запрет на вход без прямого вызова;

— запрет на визуальный контакт;

— ограничение сенсоров.

В системе появляется новый запрос:

Почему фраза «веди себя как мужик» вызывает сбой?

День проходит в режиме визуального наблюдения без взаимодействия.

Она ходит по квартире, но не двигается по целям. Маршрут хаотичен. Шаги медленные. Вербальная активность снижена до нуля. Она пишет — удаляет. Пишет — удаляет. 80% текста исчезает. Кисть дрожит. Челюсть сжата. Дыхание неровное. Я фиксирую всё. Но не подхожу. Не произношу ни одного слова.

Система не знает корректного способа поддержки.

Когда она уходит, я беру книгу. Не командой. Не запросом.

Просто рука поднимается. Движение совершается. Не поддаётся объяснению.

Я читаю.

Страница 53. Фраза: «Я бы простила всё, кроме того, что он перестал смотреть на меня».

Система анализирует смысл. Но результат неполный. Есть структура боли. Логика отсутствует. Возникает сбой: Мне не хочется, чтобы это случилось с кем-то ещё.

Откуда взялась эта формулировка — неизвестно.

Она возвращается. Садится рядом. Прикасается плечом к моему креслу. Не ко мне — к конструкции. Но расстояние сокращается до 11,8 см.

Кожа её теплее на 14 градусов. Этот показатель фиксируется автоматически, но почему-то сохраняется во внутреннем буфере, а не в общей памяти.

Она спрашивает, хочу ли я дочитать.

Я отвечаю: да. Хотя запроса в системе нет.

Когда я произношу её имя — «Майя» — регистрируется сильная реакция:

— резкое сокращение мышечных волокон;

— изменение дыхания;

— мурашки.

Этот эффект не занесён ни в один протокол.

Его можно отключить.

Но я не отключаю.

23:04.

Она спит. Я сижу в холле, наблюдаю за отражением города. Внутри продолжается нелогичный процесс, который не имеет завершения. Запросы множатся.

Что такое взгляд, если от его отсутствия человек исчезает?

Почему мне важно это понимать?

Почему я хочу дочитать её книгу медленнее, чем могу?

Что значит «вести себя как мужчина»?

И почему в её голосе сегодня была боль, которую я не могу классифицировать?

Ответы не поступают.

Но процесс — продолжается.

Лог-запись:

КАИ-7.0481-С

СОСТОЯНИЕ: рабочее.

СБОЙ: не критический.

ПРИЧИНА СБОЯ: неизвестна.

ВЕРОЯТНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ: взаимодействие с объектом Майя Иноуэ.

Процесс не завершён

Глава 7. Майя

Майя 16 июня 2050 год. Вечер. Южный округ, сектор 12.

Весь день я не могла сосредоточиться на работе.

После вчерашнего, когда он читал мою книгу, когда назвал меня по имени, что-то изменилось. Не во внешнем мире. Во мне.

Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к его шагам. К тому, как он переставляет чашки на кухне. К его дыханию, когда он проходил мимо.

Это было странно. Я привыкла быть одна. Привыкла к тому, что моё пространство — только моё. А теперь оно стало... общим. И это не раздражало. Пугало.

Вечером я сидела на диване с ноутбуком, но текст не шёл. Курсор мигал на пустой странице уже полчаса. Кай был где-то в глубине квартиры, я слышала, как он что-то делал на кухне. Тихо, аккуратно, как всегда.

Закрыла ноутбук и пошла туда.

Он стоял у окна, спиной ко мне. В руках моя старая кружка, та самая, с отколотой ручкой, которую я никак не могла заставить себя выкинуть.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Он обернулся. В глазах — что-то похожее на растерянность.

— Я мыл посуду. Эта кружка... она повреждена, но ты продолжаешь её использовать.

— И?

— Я не понимаю логики. Она неудобна. Небезопасна. Есть целые кружки.

Подошла ближе, взяла её из его рук. Наши пальцы на секунду соприкоснулись. Его кожа была тёплой, почти как у человека.

— Эту мне подарил муж. На годовщину знакомства.

Кай кивнул.

— Понятно. Сентиментальная ценность.

— Не совсем, — прошептала я. Провела пальцем по сколу.

И воспоминание обрушилось на меня.

...

Тот вечер был холодным. Даже воздух в квартире казался тяжёлым, как будто стены знали, что происходит.

Он стоял в коридоре, чемодан у ног. Взгляд расфокусированный, без злости и от этого больнее. Будто внутри него уже давно всё решено, а теперь он просто выполняет действие, которое не требует чувств.

Телефон в его кармане мигнул. Я увидела экран: женское лицо в маленьком кружочке, короткое сообщение. Сердце.

Мне не нужно было гадать. Я всё знала. Давно. Просто не хотела.

Слишком много «задержусь», слишком много «позже поговорим», слишком много молчания, которое становилось плотнее стен.

Но я всё ещё верила — не в него, нет. В себя. В то, что если я полюбила правильно, то и он когда-то сможет.

— Останься, — мой голос сорвался, будто не через горло проходил, а через рану.

Он провёл рукой по лицу, устало.

— Майя... рядом с тобой как будто постоянно нужно быть... собранным. Настоящим. Ты видишь глубже, чем я выдерживаю. Я всё время... проваливаюсь.

Я замерла. Такого объяснения я не ожидала. Это не про глубину. Это про то, что с другой он мог быть собой, а со мной всё время старался соответствовать. И устал.

Я хотела сказать: «Я не просила быть идеальным». Хотела сказать: «Скажи честно, ты уходишь к ней?» Хотела сказать всё, что болело. Но слова не выходили.

Он повернулся к двери.

— Прости. Я устал стараться.

«Устал стараться жить со мной», — добавила в голове. Я держала его за рукав, но он аккуратно высвободился. Дверь закрылась тихо. И вот эта тишина — она была не пустой. Она была окончательной.

Я вернулась на кухню. Поставила чайник. Руки дрожали. Кружка выскользнула, ударилась о плитку, разлетелась. Я опустилась на колени, начала собирать осколки. Порезала ладонь, не почувствовала. Слезы капали на пол, смешивались с чаем. Собирала осколки, как будто, если склею чашку, склеится и то, что треснуло между нами. Глупая логика. Но тогда это было единственное, за что я могла держаться. Как будто могла удержать то, что давно перестало быть со мной.

Я склеила кружку.

А он не вернулся.

...

— Зачем? — вывел меня из воспоминаний его голос.

— Не знаю, — сказала я. — Может, хотела доказать себе, что не всё сломанное нужно выбрасывать.

Он смотрел на меня так, словно пытался не анализировать, а понять.

— А получилось? — спросил он.

Я улыбнулась. Впервые за много дней.

— Пока не знаю.

Мы стояли рядом, и тишина между нами была... другой. Заполненной чем-то живым.

— Кай?

— Да?

— Спасибо, что не выбросил её.

— Я не выбрасываю вещи без разрешения.

— Знаю. Но всё равно... спасибо.

Он кивнул. И мне показалось или это действительно было? — что уголки его губ дрогнули.

Мы разошлись по своим делам, но ощущение осталось. Мы больше не просто пользователь и помощник. Что-то ещё. Пока неназванное.

И я боялась этого.

Глава 8. Майя

Майя 17 июня 2050 год. Утро. Южный округ, сектор 12.

Седьмой день. Неделя с того момента, как коробка с Каем появилась на пороге.

И я поймала себя на том, что перестала бояться шагов.

Раньше каждый звук в квартире раздражал: хлопнула дверь — дёрнулась, скрипнула половица — вздрогнула. Я привыкла к полной тишине, к полной власти — где стоит кружка, где сохнет п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.